

Этот снимок сделан ровно десять лет назад — в первые часы после возвращения Гагарина на Землю.

Вот таким — улыбающимся, спокойным — увидели его встречавшие утром 12 апреля 1961 года.

С тех пор прошло десять лет — первые десять лет космической эры, открытой подвигом Гагарина. С чем в истории науки сравнить это фантастическое десятилетие?! Перед человечеством наконец распахнулось широкое окно во Вселенную и отступили в прошлое тысячи тайн и загадок. «Близкий», околоземной космос уже прочно обживается людьми. Как на работу, отправляются теперь космонавты в многодневные орбитальные полеты... Ученые прошлого не могли и мечтать, чтобы таинственные лунные камни попали прямо на столы земных лабораторий. Но вот по Луне прошли люди, а первый автоматический разведчик — «Луноход-1», безотказно выполняя команды с Земли, послушно избородил просторы Моря Дождей.

Миллионы километров теперь уже не предел для космической техники. Советские автоматы достигли Венеры, и Земля целых 23 минуты принимала информацию с раскаленной поверхности другой планеты Солнечной системы! Вот что значит высокая точность и надежность автоматов, вот что такое дальняя радиосвязь и телеуправление! А ведь прошло всего десять лет, как мир услышал о Гагарине...

Сегодня о встрече с первым космонавтом рассказывает доктор Виталий Георгиевич ВОЛОВИЧ. Он изучает поведение и здоровье человека в особых, чрезвычайных обстоятельствах. Вот почему доктор Волович был среди участников экспедиции СП-2 и СП-3, прыгал с парашютом на Северный полюс, дрейфовал в океане.

Утром 12 апреля 1961 года...

...Несколько дней идет дождь. Синоптики ходят как в воду опущенные, будто они во всем виноваты. Ложимся спать и встаем с одной мыслью: а вдруг прояснилось?

В ночь на двенадцатое небо наконец-то очистилось, и, несмотря на поздний час, в нашем маленьком домике на аэродроме закипела работа. По предварительным расчетам известно, где приземлится космический ко-

рабль, и, хотя он еще не поднялся с Земли, мы — врачи и группа поиска — уже готовимся к встрече.

У каждого в эти часы свои заботы. У летчиков и штурманов — одни, у меня — другие. Волнуюсь, как-никак еще никому из врачей не доводилось встречать человека, побывавшего в космосе.

В сотый раз перебираю свою медицинскую сумку. Кажется, все на месте: и лекарства, и прибор для переливания крови, и секундомер (чтобы сосчитать пульс), и самый обычный термометр, и даже белый халат.

Полтора часа в космосе... Как перенесет их человек? Как справится с перегрузками и невесомостью? Этого еще никто не знал, хотя инженеры позволили нам, медикам и биологам, на Земле проверить почти все, что ждет человека в космическом полете. И перегрузки, и вибрация, и зной, и мороз — все испытывалось в экспериментах, и только невесомость оставалась «белым пятном» для медицины: всего на несколько десятков секунд удавалось создавать на Земле это состояние. Снова шли опыты. Взлетали высотные ракеты — там состояние невесомости продолжалось дольше. На много часов отправлялись в космос — а значит, в невесомость — подопытные животные. Только после прочного успеха этих экспериментов ученые смогли разрешить полет человека... И все же тогда, в 1961 году, эти первые полтора часа в космосе казались нам огромным сроком. Они были великим испытанием для всех нас, проверялись не только расчеты ученых, проверялись возможности человеческого организма. На что же все-таки способен человеческий организм, если вырвать его из сферы притяжения Земли?

Конечно, сейчас, когда люди проводят в космосе не часы, а недели, волнения и заботы тех дней ушли в прошлое. Но именно тогда закладывались основы сегодняшних успехов...

Наконец с одной сумкой покончено: все на месте, все в порядке. Берусь за другую. Она тоже набита до отказа — здесь и маленькая радиостанция, и сигнальные ракеты, и термос с горячим чаем, и консервы — на случай аварийной посадки. Правда, все это мне так и не понадобилось.

Дело доходит до парашюта. Инструктор помогает мне растянуть купол на укладочном столе. Мы вместе переукладываем парашют. Мягко ложится полотнище, парашютные стропы уходят в специальные ячейки на ранце. Наконец уложен и парашют. Кажется, все готово к предстоящей работе.

Уже утро. Сквозь открытые окна нашего домика слышен гул самолетных двигателей. Это механики прогревают моторы. Готовят самолеты, на которых мы вместе с группой поиска вылетим в район приземления.

Я представляю себе в эти минуты, что происходит там, на далеком Байконуре. Мне кажется, я вижу огромную ракету, уходящую к горизонту плиты космодрома и маленькие фигурки людей. Среди них — человек, имя которого через несколько часов узнает вся планета... И мне вспомнилась последняя встреча с Юрием Алексеевичем.

В центре ярко освещенного зала — бассейн. В нем, как в Ледовитом океане, покачиваются льдинки. Гагарин стоит на краю бассейна в своем ярко-оранжевом космическом скафандре и белом шлеме с алыми буквами «СССР».

— Ну что, начнем? — спросил ведущий инженер. Юрий Алексеевич улыбнулся и поднял руку к шлему. Щелкнув, опустилось прозрачное забрало. Секунда — и Гагарин прыгнул в ледяную воду. Медленно взмахивая руками, он поплыл на спине, расталкивая льдинки. «Купание» повторялось много раз. Наконец испытания окончены.

— Как дела? — спросил ведущий. — Не замерз?

Гагарин рассмеялся.

— Разве в нем замерзнешь! В нем плавать — одно удовольствие. Надежная штука. Никакое приводнение не страшно.

...Чей-то громкий голос прерывает мои мысли: «Доктор, к самолету!»

Быстро убегает взлетная полоса, самолет делает круг над аэродромом. И вот под нами начинающие зеленеть приволжские поля.

Я стою в дверях пилотской кабины и жду, с нетерпением жду одного-единственного слова. Как там Гагарин? Наконец я слышу: «Пошел! Пошел!» — кричит радист. Гагарин в воздухе!

Еще немного времени, и мы получаем долгожданный приказ лететь к точке приземления.

Это было в 10 часов 25 минут утра 12 апреля 1961 года. Гагарин заканчивал свой легендарный виток вокруг Земли...

В назначенное время штурман выводит самолет прямо на «цель». Внизу на темном фоне пахоты — фигура в светлом. Это Гагарин в своем небесном костюме, а около него кажущийся сверху шариком знаменитый «Восток» с ярко-оранжевым шлейфом парашюта.

«Парашютистам приготовиться!» — командует штурман.

Мы уже давно готовы, стоим с надетыми парашютами у открытой дверцы и ждем разрешения на прыжок. Но радист, что-то отстукав ключом, складывает руки крест-накрест: скорая помощь не требуется! Можно снять парашюты. Приземление космонавта произошло совершенно точно, и недалеко от него уже сел вертолет из группы поиска. По радио получаем сообщение, что космонавт чувствует себя хорошо и в медицинской помощи не нуждается.

Вертолет с космонавтом на борту направляется к ближайшему аэродрому. Мы сопровождаем его.

...В комнате начальника аэропорта негде повернуться. Гагарин сидит у стола, улыбающийся, в полном здравии. Жужжат кинокамеры. Все шумят, волнуются, перебивают друг друга. И если есть в комнате хоть один спокойный человек, так это, наверное, сам космонавт...

Зазвенел телефон. Начальник аэропорта поднял трубку...

— Юрий Алексеевич, вас просит к телефону Леонид Ильич Брежнев!

Гагарин поднялся и доложил о своем прибытии из космоса:

— ...Приземление прошло нормально, чувствую себя хорошо, травм и ушибов не имею.

Но вот снова пора в путь. На этот раз я лечу в одном самолете с Гагариным. Держим курс на Куйбышев.

Машину слегка потряхивало на невидимых кочках. Все вокруг было привычным: освещенный солнцем салон с рядами кресел, обтянутых серым репсом, и занавески из белого парашютного шелка на иллюминаторах... Вся эта до мелочей знакомая обстановка никак не вязалась с тем, что здесь же, в соседнем кресле, сидит человек, только что совершивший фантастический полет. Человек, за 108 минут облетевший Землю!

Все, кто находился в салоне, собрались возле Гагарина.

Открытая улыбка, блеск синих глаз, и какая-то особенная простота и обаяние — он сразу же располагал к себе людей.

В салоне было тепло, и Гагарин, сняв голубой комбинезон, остался в рубашке. Там и тут из нее торчали белые хвостики проводов. Они шли от датчиков, прикрепленных к телу космонавта. Эти крохотные чуткие устройства посылали свои сигналы из космоса, и ученые могли непрерывно следить за пульсом, дыханием, температурой и кровяным давлением человека, летящего над Землей.

Я устроился в кресле рядом с Гагариным, раскрыл сумку и извлек из нее все необходимое для медицинского осмотра. Затем я снял колпачок с авторучки и выжидающе посмотрел на Гагарина.

— Ну, что ж, работа есть работа. Будем обследоваться, — сказал он, подставляя руку.

Я наложил манжетку, накачал в нее воздух и, прижав мембрану фонендоскопа, весь

Откинувшись на спинку кресла, Гагарин отдыхал. Улучив момент, я щелкнул фотоаппаратом...

(Снимок В. Г. Воловича публикуется впервые.)

превратился в слух. Стрелка тонометра медленно поползла по циферблату.

— Ну, как давление?

— Отлично, 125 на 70. Как у младенца.

— То-то, — сказал Гагарин и весело подмигнул.

Осмотр продолжался. Подержав градусник под мышкой, Гагарин сначала сам внимательно посмотрел — 36,6! — и только после этого вернул его мне.

Теперь надо подсчитать пульс и дыхание. Я шепотом считаю, искоса поглядывая на секундомер: один, два, три, четыре, пять... Все нормально. Пульс — 68 ударов в минуту, грудь вздымается мерно, спокойно.

И после каждого моего «Отлично!» все начинали улыбаться:

— Вот он какой, наш космонавт!

Наконец осмотр окончен. Все зашумели, заговорили хором. У каждого на языке вертелись тысячи вопросов.

— Давайте по очереди, — шутливо командовал Гагарин.

— Про невесомость расскажите, Юрий Алексеевич. Вот во сне, бывает, взмахнешь руками и летишь. Похоже?

— Очень похоже. Когда корабль вышел на орбиту, я оторвался от кресла, насколько позволяли ремни, и как будто повис между потолком и полом. Руки, ноги казались чужими, тело как будто потеряло свой вес. Это было необычайное ощущение. А тут еще перед самым лицом парят планшет и карандаш. Даже вода, пролившаяся из шланга, превратилась в маленькие сверкающие шарики и тоже медленно плывет по кабине.

— А Земля? Какая она с такой высоты?

— Пожалуй, такая же, как при полете на

реактивном самолете, конечно, на большой высоте. Все отлично видно — и горы и леса. Когда пролетал над океаном, внизу различал острова. Красивая наша Земля. Вся в нежно-голубом ореоле...

Гагарин задумался, а потом добавил:

— А вот Луну так и не удалось посмотреть. Но это не беда, посмотрю в следующий раз!

Временами наша беседа прерывалась, и Гагарин, откинувшись на спинку кресла, закрывал глаза. И мне казалось, что в эти мгновения он вновь возвращается в кабину «Востока».

...В салоне было тихо. Гагарин открыл глаза:

— Ну, что это все замолчали?

И снова посыпались вопросы.

— Юрий Алексеевич, напишите, пожалуйста, что-нибудь. На память. Очень прошу, — смущенно попросил борттехник, протягивая блокнот.

— Что я, кинозвезда? — сказал Гагарин, усмехаясь. — Ну давайте. Распишусь на память.

— И мне и мне, — протянулись со всех сторон тетради, блокноты, записные книжки.

— Тогда и мне положено, — сказал я, подавая тетрадь осмотра. Гагарин на секунду задумался и быстро написал:

*Виктору
Георгиевичу
Воловичу.
Гагарин —
12.04.61
Президент
международ.*

...Рейс подходил к концу. Внизу показались первые высокие здания. А вот и аэропорт. Толпы народа. Первый, кто бросился обнимать Гагарина, — светловолосый летчик, капитан. Немногие тогда знали, что это и есть «таинственный» космонавт-2, завтрашний герой космоса Герман Титов.

Прошло всего несколько месяцев, и мне довелось встречать Титова, а затем Николаева, Поповича, Быковского. Не раз спускался я на парашюте к месту приземления, встречая космонавтов на Земле, и все же мне никогда не забыть этой первой встречи.